

Евгениус Шароваров:

Афинское рождение,
или Рождение Афин

Максим Сонин

Максим Сонин

**Евгениус Шароваров: Афинское
рождение, или Рождение Афин**

«Издательские решения»

Сонин М.

Евгениус Шароваров: Афинское рождение, или Рождение Афин /
М. Сонин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908201-5

«Краткое Описание Г-д СУДЬБЫ и ИСТОРИИ...» (1720—1765) —
неоконченная автобиография Евгениуса Петровича Шароварова, русского
писателя и издателя, редактора первой российской еженедельной газеты
(Московский Лист, 1695—1705) и первой российской газеты для женщин
(Нежный Вестник, 1720—1728), включающая также его личные письма и
несколько статей.

ISBN 978-5-44-908201-5

© Сонин М.
© Издательские решения

Содержание

Слуга печати и печати раб...	6
Введение первое	8
I	9
II	9
III	10
IV	10
V	10
VI	11
VII	11
VIII	11
IX	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Евгениус Шароваров: Афинское рождение, или Рождение Афин

Максим Сонин

© Максим Сонин, 2018

ISBN 978-5-4490-8201-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Слуга печати и печати раб...

Евгениус Петрович Шароваров (1672, Москва, Российская империя – 1765, Афины, Российская империя) – российский издатель, главный редактор одной из первых российских еженедельных газет «Московский лист» (1695—1705) и первой российской еженедельной газеты для женщин «Нежный вестник» (1720—1728).

Евгениус Шароваров родился в богатой купеческой семье. С пяти лет он обучался математике, греческому и английскому языкам, а в двенадцать лет поступил в Школу математических и других наук, где учился у Артамона Матвеевича Шереметьева, известного московского ученого и писателя, а также выпускал газету «Афинский порок» с одноклассниками Эмманиулом Шапиловым и А. П. Ш-ном.

В 1689-ом году Шароваров отправился в Лондон для продолжения обучения. Там он познакомился с издателем Джоном Дантоном, а также писателями Даниэлем Дефо и Джона-таном Свифтом.

В Париже, ожидая переправы через Ла-Манш, Шароваров завел дружбу с французской поэтессой Флер Моро и ее покровителем Ж (J. – возможно поэт Жак Шенье). Именно эти годы, с рождения и до отъезда из Лондона, описаны в первом томе шароваровской автобиографии, который называется «Афинское рождение, или Рождение Афин».

За этим скромным «описанием» скрыт целый пласт российской словесности и печати: в 1802-ом году литературный критик Федор Смольнов напишет в газете «Московские чтения для раздумий и счастья»: «Говоря о книгопечатном мастерстве, невозможно не упомянуть великого редактора, писчика и издателя Евгениуса Петровича Шароварова. Благодаря ему, у нас есть возможность издавать нынешнюю газету. Шароваров открыл и проложил путь к современному российскому издательскому делу, и сыграл важнейшую роль в становлении отношений между российскими и европейскими мастерами книгопечатанья...». Тридцатью годами позже Николай Дубин в «Литературных ведомостях» потребует от общественности признания для Шароварова: «Рекомендации Петра I повлияли на происходящее в России того времени невероятным образом. [...] Благодаря этой рекомендации [О газетных листах, 1695] Евгениус Петрович Шароваров не просто посетил Лондон, но и привез в Москву само понятие еженедельной газеты! Как благодарны должны быть ему теперь даже такие ревнители новизны как Васильев и Старинский.» Еще большие похвалы воспевал Шароварову Петр Григорьевич Чернышевский в «Московском литераторе», в статьях «Ни тьмы, ни света» (1834) и «Лети, мысль» (1835).

Несмотря на признание, которое сопутствовало творчеству Евгениуса Шароварова в течение восемнадцатого и девятнадцатого веков, в наше время «Описание», «Московский лист» и «Нежный вестник» практически забыты. Социальный и исторический курс России сильно переменялся за последние сто лет, и в новых политических координатах Шароваров, с его *европейскими* взглядами на печать и социальные институты, оказался отброшен в литературную тень.

Нам хочется сказать, что Шароваров заслуживает большего, и не только лишь потому, что является одним из первооткрывателей российской печати. Его автобиография это глубокий, временами смешной, но иногда и грустный, анализ переходного момента в российской истории. Правление Петра I до сих пор остается одной из самых загадочных эпох романовской династии, и нельзя обходить стороной такой важный документ этого поразительного времени.

Александра Кочеткова
Москва, 2018

Краткое описание

Г-Д СУДЬБЫ И ИСТОРИИ

в жизни Евгениуса Шароварова,

написанное им самим

в минуты ГОРЯ и РАДОСТИ,

(вместе с личными письмами, образами, лицами и благодарностями)

Том первый (1720): «Афинское рождение, или Рождение Афин»

Посвящается Артамону и Елизавете Шереметьевым.

Введение первое

Г-н Судьба множество раз вмешивался в мою *жизнь*, и каждый раз я принимал его дары, несмотря на их цену, дабы ублажить г-жу Историю. Теперь же, когда все мои сбережения, полученные после смерти моего горячо любимого брата Кирилла, потрачены на приобретение *настоящей* Редакции и первые нужды, я прошу моего Читателя принять дар этой книги в обмен на некоторое количество денег, которые я смогу пустить на печать так хорошо уже известного москвичкам «Нежного вестника». Дело состоит в том, что «Нежный вестник» расходуется в пятидесяти копиях еженедельно, по тридцати копеек, что приравнивается к шести тысячам копеек в месяц (или же шестидесяти петровским рублям). Но в то же время в Редакции работают трое: Генрих Генрихович Штрауц (месячный оклад: двадцать новых рублей), Сергей Жакович Шасонов (месячный оклад: двадцать новых рублей) и еще один человек, о котором я скажу позже (месячный оклад: двадцать новых рублей).

Мой *мудрый* Читатель, давно освоивший азы арифметики, сразу же скажет: Евгениус, твоя газета работает как часы, как идеальный *европейский* механизм. Каждая копейка уходит в работу, и Читатели всегда будут удовлетворены, если только хоть бы один из них не перестанет выписывать «Нежный вестник» по причине болезни, смерти или нежелания более приобщаться к новостям и мнениям женского мира, ибо тогда крепость, которая называется «Нежный вестник» (газетная лицензия номер двадцать три), покачнется и может выйти из своего *покойного* равновесия.

– Да, – отвечу я своему *прозорливому* Читателю. – «Нежный вестник» есть твердыня, редкая в современном мире московской печати, но в своем описании Редакции, я не упомянул о четвертом ее работнике.

– Как же? Кто же еще работает в «Нежном вестнике»? – спросит, распалившись, Читатель. – Кто же еще приближен к этому *амброзийному* фонтану?

– Его зовут Евгениус Шароваров, – отвечу я. – Только основав «Нежный вестник» и собрав штат, он напечатал с сентября тысяча семьсот двадцатого года двенадцать выпусков «Вестника» и, оплачивая работу своих подчиненных, заносил ежемесячно в бухгалтерскую книгу доход (а точнее – его совершенное отсутствие). Он занимается печатью «Вестника» из любви к печатному искусству и совершенно не требует от Читательниц дополнительной платы (поскольку еще в первом выпуске было обещано, что «Вестник» никогда не будет стоить более тридцати копеек), но если Читатель не купит *эту* книгу, то в скором времени издание «Вестника» может и прекратиться, поскольку, хотя у Евгениуса и есть пространство для обитания, но ему еще и, к большому его сожалению, приходится почти ежедневно питаться.

Еще в детстве матушка часто удивлялась его аппетиту, и, хотя с тех далеких пор Евгениус и научился есть менее (о чем и написал в своей статье «О счастливой бедности» в тысяча семьсот седьмом году), он все же еще не освоил существование совершенно без пропитания.

Читателю, решившемуся на этот обмен, я смогу предложить множество личных историй и писем, а также благодарностей и удивительных фактов, которые так забавляют современных москвичей. Чтобы более не занимать Читателя своими современными делами, следующие восемь глав не коснутся их ни разу и я совершенно как бы извлеку из них себя нынешнего.

Лишь одно осталось мне сказать, прежде чем перейти к повествованию. Я, среди прочего, еще опишу здесь своего кровного противника, *издателя* и *писателя* А. П. Ш-на и его многочисленные преступления, такие как воровство, пиратство и даже убийство. Дабы не пугать особенно Читателя появлением этого злодея, я буду представлять его так:

*πολλὰ μορφαὶ τῶν δαμονίων,
πολλὰ δ' ἀέλπτως κραινοῦσι θεοί...*

А далее будет следовать уже и описание его деяний, и их влияние на мою жизнь.

I

Я родился в год восхождения на престол Царя, будущего Императора Федора Алексеевича, и мой отец, Петр Авгиевич Шароваров, хотел назвать меня именно Федором в честь этого знаменательного события, но у г-жи Истории желания были иные: за неделю до моего рождения скончался от тяжелых почек мой двоюродный дядя, Авгий Федорович Шароваров, и моему отцу не оставалось сделать ничего, кроме как почтить его память (к тому же Авгием звали и моего деда), дабы не прослыть среди остального множества Шароваровых ненавистником двоюродных дядей.

Имя Авгий все же было слишком *старомодным* для, пусть и младшего, сына купца первой гильдии, и отец выбрал имя Евгений, как самое созвучное из тех, на которые пришлось мое календарное рождение. «-Ус» прицепился к нему случайно, потому что мановением г-на Судьбы усов у отца никогда не было, и он совершенно по этому поводу изводился.

Мой старший брат Кирилл в то время был еще только четырнадцати лет от роду, и, хотя позднее он отрастил и усы, и заметную бороду, во время моего рождения его лицо еще было совершенно чистым, и отец опасался, что его ветви Шароваровых предстоит существовать без подбородочной и подносной растительности. В попытке обмануть г-д Судьбу и Историю отец нарек меня Евгениусом, надеясь таким незамысловатым образом привлечь их внимание, и, как всегда бывает в таких *проектах*, глубоко просчитался. Мой брат Кирилл, как уже поминалось, отрастил и усы и бороду, я же до сего момента, а мне уже *сорок восемь* лет, не вырастил на лице ни волоска, ни пучка, да и не особенно к этому стремлюсь (волею того же г-на Судьбы ни мне, ни моему брату не переданся от моего отца его *интерес* к лицевой растительности).

Имя Евгениус означает «хорошо рожденный» и, как многое в моей жизни, почти совершенно в своем значении противоречит истине, потому что, хоть сами роды и были быстрыми и легкими по сравнению с теми мучениями, которые тогда еще только предстояли моей матушке с моей сестрой Эстрейей, но *хорошими* их назвать было бы трудно. В комнате, в которой на кровати лежала моя матушка, было темно от черного дыма, поднимавшегося от Новых торговых рядов, потому что родился я на утро Большого пожара.

Accoucher, принимавший роды у многих Шароваровых, за два дня до моего появления на свет заявил, что совершенно не опасается лошадей, после чего попал под карету и сломал обе ноги, и на его место была призвана повивальная бабка, которая, хоть и знала свое дело и совершенно устраивала мою матушку, несколько пугала моего отца своим длинным и широким носом. В общем, в доме царил *хаос* и даже некоторая паника (в лице моего отца, который в такие минуты становился очень громок и поразительно разговорчив, хотя обыкновенно являлся человеком тихим и вполне покойным).

II

В месяц моего рождения в Москве было решено возвести Новые торговые ряды на Колокольной площади, потому что Старые ряды на Павелецкой стали слишком *малы*; и в город съехались архитекторы и рабочие, которые за четырнадцать дней возвели деревянные стены и круглую крышу, которую народ тут же окрестил «колодою», и это место еще долго так называлось, несмотря на то, что Новые ряды не простояли и месяца.

III

В ночь перед моим рождением на рядах, которые только открылись для посетителей, случилось неприятное происшествие: двое купцов с пьяной головы решили среди лотков клеймить коня. Внутри бедного животного взвыл природный дух, и этот звук, собранный, словно солнечные лучи *немецкою* призмой, конским горлом, напугал многих, а в первую очередь – одного кузнеца, который как раз опускал свой молот на *белую* наковальню. Кузнец испугался, ударил мимо наковальни и расколочил пол. От удара полетели в стороны щепки – и все, кроме одной, попали в ***, старого ювелира, который закричал не хуже коня. Последняя же щепка, словно быстрая птица ястреб, пересекла ряды и ударилась о косяк возле самых конюшен. Здесь необходимо объяснить, что в Старых рядах купцы и ремесленники стояли по другому порядку: в одном углу кузнецы, в другом – кожеяки, в третьем – глиняных и древесных дел мастера. В Новых же рядах все они помещались где попало и как им заблагорассудится, а значит, рядом стояли и кузнецы, и ювелиры.

От последней щепки высеклась искра, занялись сено и солома, сваленные в конюшне. Сперва все, конечно, пытались тушить, потом бросили. К утру от Новых рядов остались только *новые* угли и черный дым.

IV

Матушка моя, Аркадия Сергеевна Шароварова, в это время лежала уже почти что в беспомыслии, а мой отец так извелся, что ушел из дому и не возвращался до самого вечера. Воротившись же, обнаружил матушку в здравии, спящую на кровати; младенца спеленатого рядом с нею в подушках; и бабушку повивальную на полу – с синим лицом и закрытыми глазами. Она приняла роды, спеленала ребенка и уже тогда преставилась.

Дабы не пугать матушку, отец позвал моего брата Кирилла, поскольку сам был не силен, и вместе они вытащили *бедную* из комнаты. Тут уж и матушка проснулась, услышав шум на лестнице, но встать не попыталась и вскоре снова заснула. Я же, а младенец на подушках был именно мной, все это, может быть, и видел, но был еще не умен и поэтому особенно *интереса* не проявил.

Уже после эту историю мне рассказал Кирилл. Тогда же и он, и мой отец об этом молчали, чтобы матушке было не боязно снова спать в той же комнате, потому что комнат в доме было не так уж много, в двух из них уже ранее умирали, и матушка наотрез отказывалась в них ночевать.

V

*πολλὰ μορφαὶ τῶν δαιμονίων,
πολλὰ δ' ἄέλπτως κραινοῦσι θεοί*

скажу я вам, ибо в то же самое время, но в другом доме и у другой матушки родился на свет А. П. III-н, уже в младенчестве пугавший окружающих его людей злобным взглядом из-под кустисто-густых бровей и крепкой хваткой коротких пальцев, которыми он сразу же по появлении на свет схватил за нос доктора и разве что не оторвал его совершенно.

Уже одно это проявление характера привело к его приобретению непритязательного имени, А***, схожего по созвучию с одним из множества *медицинских* слов, которыми разразился освобожденный от опальцовывания доктор.

Здесь я оказываюсь в некотором замешательстве, поскольку не могу назвать имени А. П. Ш-на целиком, считая это ниже моего собственного достоинства, но и не хочу при этом оскорбить тех моих Читателей, которые носят другие, вполне уважаемые, имена, начинающиеся на ту же букву. Посему я прошу прощения у тех Читателей, которые могут воспринять на свой счет мои замечания, и надеюсь, что мои мысли не заставят их отложить книгу или тем более сделать с ней то, о чем подумал доктор по отношению к младенцу, но о чем все же воздержался говорить вслух, даже и в *медицинских* терминах, ибо был хорошо воспитан.

Именно так, в бранных криках, появился на свет человек, которому предстояло еще много лет и до сего дня влиять на меня и мою жизнь, словно бы он был одним из ветров Тифоея. Здесь, в холодных руках недоброжелательного доктора, я его и оставлю до некоторого времени.

VI

Я уже добрался до *шестой* главы своей жизни и снова оказываюсь в замешательстве, теперь по поводу того, в каком порядке описать такие важные события, как рождение моего старшего брата Кирилла и нашей младшей сестры Эстрейи.

С одной стороны, *логическим* кажется сперва описать рождение Эстрейи, как самой младшей, но в то же время в *хронологическом* порядке в мир первым пришел Кирилл, рожденный еще при Царе Алексее Михайловиче.

Разрешением этой задачи для меня является мысль, которую часто высказывал мой отец и которая иногда, как кажется мне, использовалась им в несколько ином смысле. Отец мой говорил так: «У покойного не просят прощения».

Поскольку мой горячо любимый брат уже умер, а моя сестра еще жива, я напишу о Кирилле в первую очередь, а уже потом об Эстрейе, поскольку у нее, если ей вздумается на меня обидеться, я еще смогу попросить прощения. Более того, закончив эту главу, я напишу ей письмо, чтобы предупредить ее о моем порядке прежде, чем эта книга увидит свет.

VII

Мой брат Кирилл родился в тысяча шестьсот пятьдесят восьмом году, когда правил Царь Алексей Михайлович. Родился Кирилл в Москве, но, чтобы описать это знаменательное событие, мне нужно кратко коснуться женитьбы моего отца, которому в ту пору было уже двадцать восемь лет, и моей матушки, которой не было и двадцати.

VIII

Мой отец тогда лишь начал свой *карьерный* рост, поскольку до двадцати восьми лет жил в состоянии, которое сейчас бы окрестили *арестом*, а тогда считали лишь строгим воспитанием. Он учился, и у хороших учителей, знал несколько языков, включая греческий, но никогда не видел людей, кроме своего отца (моего деда), своей матушки и учителей и нянек. Когда же ему исполнилось двадцать шесть лет, его отец, Авгий Ярославович Шароваров, умер, после чего его жена, моя бабушка, стала заводить такие громкие кутежи, что уже через полтора года, едва не спалив дом, попала в Широкий монастырь, что рядом с Москвой-рекой, ныне – возле Всехсвятского моста. В то время там содержали умалишенных, и именно в Широком монастыре, двадцать семь лет спустя, то есть в тысяча шестьсот восемьдесят пятом году, оказалась и моя матушка после рождения моей сестры Эстрейи.

В том же тысяча шестьсот пятьдесят восьмом году, оказавшись на свободе *впервые*, мой отец вышел на улицу и бросался на людей так сильно (поскольку видел их до этого в гораздо меньшем количестве), что был бит и быстро попал к уличным сторожам, которые сразу угля-

дели его не вполне спокойное *состояние* и оставили в какой-то избе на ночь – отлежаться. Именно из окна этой избы мой отец и увидел мою матушку, которая шла на рынок с нянькой, не зная, что скоро решится ее судьба.

Будучи выпущен из избы сторожами за мелкую плату, мой отец принялся расспрашивать народ о «красивой *гинеике*», и если бы моя матушка в тот самый час не шла обратно, то мой отец был бы бит снова и одному г-ну Судьбе известно, стали бы его и на этот раз уличные сторожа защищать.

Матушка моя всегда жалела убогих, а отец мой именно таковым ей и показался. Прошло самое малое время – сыграли свадьбу.

IX

Я обещал своему Читателю, что до этой главы не коснусь своих современных дел, и почти что совершенно сдержал свое обещание, хоть и описал впопыхах несколько событий, которые относятся, скорее, к моему современному существованию. Среди них главное – смерть моего горячо любимого брата Кирилла, и о ней я хочу сказать сейчас, прежде всех остальных событий.

*πολλὰ μορφαὶ τῶν δαμονίων,
πολλὰ δ' ἀέπτως κραίνουσι θεοί*

скажу я вам, ибо мой горячо любимый брат Кирилл был бы жив сейчас, если бы не вмешательство г-д Судьбы и Истории в лице А. П. Ш-на.

После смерти нашего отца в тысяча шестьсот девяносто пятом году, всего через пять лет после смерти нашей матушки и когда я основал свой «Московский лист», именно мой брат Кирилл возглавил торговый дом Шароваровых, который к тому моменту был уже в первой *степени*.

Этот самый дом в первую очередь торговал со Шведским Великодержавием, и пути торговые шли в ту пору вокруг северных болот, топтать которые купцы, включая моего брата, боялись.

В тысяча семьсот девятнадцатом году А. П. Ш-н, с которым к тому времени мой брат был через меня знаком, был обязан Кириллу и взялся провести один из многих обозов через болота и проложить в новом месте тропу и мост.

Мой брат доверился ему, хотя я предупредил его, что человек Ш-н неверный и опасный, в самом лучшем случае – очень глупый. Воротился Ш-н полгода спустя с суммой денег, небольшою, и *ручною* картой проложенной тропы. Брату моему сказал, что на обратной дороге на него напали лихие люди и унести удалось лишь часть денег. Мой брат поблагодарил его за карту и пошел по ней через месяц с большим грузом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.